

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА СЕГОДНЯ

Бондаренко В.*

Быть или не быть?

«Быть или не быть?» Этот гамлетовский вопрос является, наверное, вечным русским вопросом. Быть России или не быть России? Быть русской литературе или не быть русской литературе? Как минимум, два раза в столетие мы всерьез задаемся этим вопросом. К счастью, до сих пор находили положительное решение. Надеюсь, что найдем это положительное решение и сегодня.

На самом деле, русская литература сегодня находится на явном переломе. Сегодня завершаются две мощных русских литературных традиции. С одной стороны, дай Бог, живущим ныне писателям дожить и до 100 и до 150 лет, но как явление – мощная, классическая русская деревенская народная проза подходит к своему финалу. Русская традиция с деревенским ладом подходит к своему завершению. С другой стороны, уходит в прошлое «большой стиль советской литературы». Та реально существующая и явно талантливая советская литература, которую представляют такие писатели, как Юрий Бондарев, тоже завершается на наших глазах. Этим переломом воспользовались наши, так называемые, «катастрофисты», возникла «литература катастроф». Эти писатели утверждают, что

* Член Союза писателей России, редактор приложения к газете «Завтра» – «День литературы».

весь мир и душа человека обречены на разрушение, на катастрофу. Может быть, многим известны имена лидеров этой «катастрофической» литературы: Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Людмила Улицкая, Татьяна Толстая и так далее. Но, к счастью, в последние годы в России происходит перелом не только в нашем государстве и в нашей политике, но и в нашей литературе. И явно набирает силу новая русская национальная литература, продолжающая ее тысячелетние традиции. Пусть это будет выражаться через новый стиль, пусть будет новая суперсовременная урбанистическая городская тематика, но это явно русские писатели и по своим этическим, и эстетическим настроениям.

Я бы назвал таких лидеров современной литературы, как известный ныне всем Александр Проханов, как Владимир Личутин, который трудно переводим, но явно является как бы волшебником русского слова, как Александр Сегень и Николай Дорошенко, Юрий Поляков и Юрий Козлов, Захар Прилепин и Алексей Иванов. Этот ряд еще относительно молодых писателей, от 40 до 50 лет, сегодня определяет лицо нашей литературы. В этом ряду общей державной литературы поднимают свой голос и крепкие национальные писатели, продолжая традицию национальную, державную – Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, и здесь можно назвать интересный роман о Чингизхане, написанный якутским писателем Николаем Лугиновым. Я думаю, китайские издатели заинтересуются этим произведением. Может быть, новая русская литература поможет и всему русскому обществу, всей России, найти себя в новой жизни, найти новый русский путь.

Русский Нобель?

Сейчас, после присуждения Нобелевской премии по литературе китайскому писателю Мо Яню, всем стало интересно, а что же русские-то писатели получают

когда-нибудь своей очередной Нобель? Ведь с 1987 года, когда дали Нобелевскую премию Иосифу Бродскому, прошло 25 лет. Что же у нас литературы не было стоящей? Я думаю, в эти годы заслуженно могли получить свою Нобелевскую премию и Юрий Казаков, и Юрий Кузнецов, и Юрий Бондарев, и Глеб Горбовский, и Василий Белов, и Валентин Распутин, и Фазиль Искандер и даже Евгений Евтушенко или Андрей Вознесенский.

Я много читал книг нобелевских лауреатов последних лет, от любимого мною турка Орхана Памука до прекраснейшего мексиканского поэта Октавио Паса, от Марио Варгаса Льосы до Гарольда Пинтера, от пошлейшей Герты Мюллер до такой же Эльфриды Елинек, от скучнейшего и никому не интересного Жан-Мари Леклезлио до элитарного Томаса Транстремера. Среди моих любимых - ирландец Шеймус Хини, беседу с которым я публиковал, немец Гюнтер Грасс. Но, большая половина этих лауреатов из третьего слоя европейской литературы. Рядом с ними и наши Вознесенский или Евтушенко кажутся великанами. Не понимаю, зачем надо было давать Нобелевскую премию 87-летней британке Дорис Лессинг?

Я заметил, в своей Европе шведы дают премию только самой элитарной и малочитаемой литературе. И частенько промахиваются. Гораздо более точны они в оценке литературы других, неевропейских народов. Там они ищут выражение иной национальной жизни. Японской ли, у Кэнзабуро Оэ, турецкой – у Орхана Памука, или китайской – у самого национально настроенного Мо Яня. Дмитрий Быков в своем отклике на премию Мо Яню пишет: «Из наших, насколько могу разобраться, на Мо Яня похож Распутин, но Распутин так и не создал собственного эпоса: подступы были — целое не состоялось...» Во-первых, не так часто Нобелевские премии присуждают за эпические произведения. Их нет ни у Памука, ни у Пинтера, ни у Льосы. Во-вторых, а разве не эпичен и одновременно не мистичен «Раскол» Владимира Личутина? Разве не эпичны «Кануны» Василия Белова? Разве не был

эпичен Дмитрий Балашов? Впрочем, это уже обычное отрицательно-либеральное отношение к нашей русской национальной прозе. Но – не нужна была Россия западному миру.

О ней на 25 лет, на всю перестройку напрочь забыли шведские академики. Как ни парадоксально, с ужесточением национальной политики наши шансы поднялись. Нобелевская премия всегда остается политической премией. России еще повезло, все пять ее лауреатов – при всей политичности выбора премий, талантливые люди, могло быть и хуже. И все-таки, как же награждали советских и русских писателей Нобелевской премией? Ну не дали ее Льву Толстому и Антону Чехову, не дали бы и Достоевскому. Нашлись бы причины.

После революции над всем миром возвышалась глыба Максима Горького. Десятки мировых писателей, организаций обращались в Шведскую академию с просьбой наконец-то дать Максиму Горькому Нобелевскую премию. Но дать Горькому – это дать советской России? На это никак шведские академики не могли пойти. В противовес советскому всемирно известному писателю стали искать фигуру из эмиграции. Я рад, что премию вручили Ивану Бунину. Но могли бы дать не ему, а Мережковскому, которого тоже высоко почитаю, выбирали из них двоих. Тем более, иностранцы не читали ни того, ни другого. Предлагались еще фигуры Шмелева, Зайцева. Тоже было бы неплохо. Но, главное, надо было не дать советскому автору.

В 1933 Иван Алексеевич Бунин (1870-1953) стал первым русским лауреатом Нобелевской премии по литературе – «за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в прозе типичный русский характер». Прошло 25 лет, минуя годы войны, премию присуждали, но о русских писателях уже вновь долго не вспоминали, ни о Леонове, ни о Булгакове, ни о Платонове, ни о Вагинове, ни о Мандельштаме, ни о Цветаевой, ни о Шолохове.

И вдруг в 1958 году за границей был опубликован роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Писателя исключили из Союза писателей, его громили во всех советских изданиях. Как не дать ему за это Нобелевскую премию? Но и здесь, конечно же, умные шведы могли бы поступить справедливее. Борис Пастернак – один из крупнейших русских поэтов. Вот и поступили бы, как сделал увертливый главный редактор «Знамени», который опубликовал не сам предложенный ему роман, а стихи из романа. Дали бы Пастернаку Нобелевскую премию за стихи из романа. Сам-то роман у Пастернака получился средненький, никак на премию не тянет. Какой-то перепев из горьковской эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Нельзя же давать премию только за то, что роман резко критикуют на его родине. Все-таки дали. Политика!

В 1958 Борис Леонидович Пастернак (1890-1960) был удостоен Нобелевской премии – «за выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и на традиционном поприще великой русской прозы». А конкретно за роман «Доктор Живаго». Советское правительство рвало и метало: «Присуждение награды за художественно убогое, злобное, исполненное ненависти к социализму произведение – это враждебный политический акт, направленный против Советского государства».

Сам поэт от Нобеля отказался. Выезжать за премией не стал. Не хотел быть диссидентом и эмигрантом. В России «Доктор Живаго» был напечатан лишь в 1988-м, спустя почти 30 лет после смерти автора 30 мая 1960 в Переделкине, у себя на писательской даче, выделенной ему правительством. Лежит себе роман на книжных полках, редко востребуемый.

Как и в случае с нынешним китайским лауреатом Мо Янем, которому Нобеля дали после предыдущего присуждения премии двум диссидентам Гао Синцзяню, проживающему в Париже, и Лю Сяобо, сидящему в тюрьме, как бы замаливая свою

вину перед великой державой. Так и в Советском Союзе в 1965 году, спустя семь лет после Пастернака, Нобелевскую премию наконец-то вручили советскому писателю Михаилу Шолохову за его великий «Тихий Дон». Как было сказано: В 1965 Михаил Александрович Шолохов был удостоен Нобелевской премии «за художественную силу и цельность эпоса о русском казачестве в переломное для России время».

Прошло всего пять лет, и уже в 1970 году Александр Исаевич Солженицын получил Нобелевскую премию «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы». Солженицын награду принял, но за премией не поехал, знал, что обратно не пустят. Если честно, то и Солженицыну Нобеля надо было давать не за документальный «Архипелаг ГУЛАГ», а за его «Один день Ивана Денисовича». Плох он или хорош, «Архипелаг ГУЛАГ», – это сборник документов, хроника фактов, а не литература. Чистая политика. Нарушение всех правил Нобелевской премии.

Спустя семнадцать лет, в 1987 году произошла история уже близкая к бунинской. Поговаривали о вручении Нобелевской премии Чингизу Айтматову, самому известному и талантливому советскому писателю. В противовес Айтматову шведы быстро вручили премию уже проживающему в США Иосифу Бродскому. И правильно сделали.

В декабре 1987 Иосиф Александрович Бродский (1940-1996) становится писателем-лауреатом Нобелевской премии по литературе – «за всеохватное авторство, исполненное ясности мысли и поэтической глубины», как было сказано в официальном постановлении Нобелевского комитета. В любом случае русские только выиграли, Иосиф Бродский был, есть и будет русским поэтом, «хотя и еврейцем», как он сам о себе писал. А кем стал после перестройки Чингиз Айтматов?

Во-первых, после развала Союза Чингиз Айтматов стал проклинать русских и Россию на всех углах, так же как до этого лакействовал перед советскими властями. Во-вторых, дали бы Айтматову, а не Бродскому, мы бы имели лишь четырех нобелевских лауреатов. Айтматов к России уже не имел бы никакого отношения. Да и писать, став глобалистским космополитическим писателем, он начал все хуже и хуже. Перестал быть писателем.

Но вот прошло новых 25 лет, а у шведских академиков есть и чисто советская планировочка по годам и пятилеткам: как распределять Нобелевские премии. Не хуже, чем в обкоме партии в свое время: дадим сейчас китайцам, затем африканцам, своей Европе, но пора бы уже дать и России? Мы в ожидании.... В советское время с промежутком в семь-восемь лет, но обязательно давали бы премию то просоветским, то антисоветским авторам. Уже бы за это время премий 5 бы получили. Поочередно, от Шукшина до Довлатова.

Былого уважения и зависимости от великой державы нет, но где-то рядом с Африкой стоим в списочке и мы. Кому же в ближайшие годы могут из русских дать Нобелевскую премию по литературе? И, уверен, в ближайшие годы точно дадут!

Как ни парадоксально звучит, прозападным, космополитическим, европеизированным писателям ничего не светит. Ни Андрею Битову, ни Владимиру Маканину, ни Людмиле Петрушевской. Называю самых ярких и талантливых из наших либералов, подходящих к премии по возрасту. Ибо раньше 55-60 лет на Нобеля даже не рассматривают. У них в Европе таких европеизированных писателей своих хватает, а Россию они Европой не считают. Нашим западникам ничего и никогда не светит. Потому не давали и раньше ни Владимиру Набокову, ни Евгению Замятину, европейских русских им не надо. Среди своих европейцев они выбирают все чаще такое трудно читаемое интеллектуальное чтиво, которое сами же забывают на другой день. А вот из

африканцев, азиатов, русских – они выбирают тех, кто открывает душу чужих им народов. И часто очень удачно. Жаль, не дожил Виктор Астафьев, вполне подошел бы на роль Нобелевского лауреата. В отличие от Василия Аксенова, которому бы не дали премии никогда. Чересчур свой.

Поэтому зря суется Евгений Александрович Евтушенко, уже пятый год выдвигаемый друзьями на Нобеля. Ни за что не дадут. Живет в Америке, преподает в каком-то техникуме. Какой он русский поэт? К тому же лобби, которое в свое время мощно поддержало Иосифа Бродского, отрицать не будем, поддерживать Евтушенко не желает. Несмотря на все его «Бабы Яры». Своих кандидатов у них хватает. Евтушенко бы под конец жизни по России пошуметь, тут пару скандалов громких учинить, поэтических воззваний написать, а он полез в американскую глушь. Кому он там нужен?

Если и дадут в ближайшие годы Нобеля русскому писателю, только не ему. Как писал еще Вадим Кожинов: «Однако Шведская академия избирала в России только вполне очевидных «диссидентов» и прошла мимо, несомненно, очень весомых (каждое по-своему) имен, не имевших такой репутации: Михаил Пришвин, Максим Горький, Владимир Маяковский, Алексей Толстой, Леонид Леонов, Александр Твардовский (которого, кстати, еще в 1940-х годах исключительно высоко оценил лауреат Иван Бунин) и др.». Упомянул о пренебрежении славных русских имен и Иосиф Бродский в своей Нобелевской речи, заявив, что он испытывает чувство неловкости, вызванное «не столько мыслью о тех, кто стоял здесь до меня, сколько памятью о тех, кого эта честь миновала», и перечислил несколько имен, среди них: «Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Анна Ахматова»...

Если следовать китайскому варианту, когда премию дали самому почвенному, глубоко национальному писателю, то должны бы сейчас дать премию кому-то из

числа таких же народных русских писателей, как Василий Белов, или Валентин Распутин, или Владимир Личутин. И магического реализма у них хватает, и глубин народной жизни. Но беда в том, что все связи между Европой и Россией жестко контролирует либеральная литературная группировка, и она выставляет наших ведущих народных писателей как черносотенцев и чуть ли не фашистов. Это черная метка для той же Швеции. Ни в Турции, ни в Индии, ни в Китае такой господствующей группировки нет и быть не может. И поэтому ни турка Памука, ни китайца Мо Яня, ни японца Кэндзабуро Оэ никак в фашисты не возведешь, они просто знатоки национальной жизни своего народа. У нас же – национальный русский писатель-патриот, автоматически значит фашист. Щепетильны они и к российским левым. Это у себя они могут позволить дать премию Гюнтеру Грассу, но в России дать Эдуарду Лимонову – это значит поддержать российский экстремизм. Не решатся. А ведь давно заслуживает мой друг Эдуард большой и уважаемой литературной премии. Чтобы шляпу перед ним снимали чиновники. По этой же причине не подпустят и близко к премии ярчайшего метафориста мирового класса нашей жуткой жизни Александра Проханова. Как четко мне при встрече сказал Александр Солженицын (между прочим, блестящий критик): «Александр Проханов – природный метафорист, а Владимир Личутин – златослов». Не дали бы ее и последнему великому поэту России Юрию Кузнецову. Его русские углы торчали во все стороны. Западники держали жесткую оборону. Как в той поговорке «сам – не гам и другому не дам». Не мне, но и не вам.

Как преодолеть эту завесу отчуждения мировой литературы от современной русской национальной литературы, когда же господа либералы поймут, что в России важнее всего национальная русская литература? Писала же Надежда Мандельштам о той среде чисто русской интеллигенции, с которой она соприкасалась, которой она восхищалась, но которая исчезла на ее глазах.

Европеизированным русским писателям шведы не дадут премию сами, зачем им клонированные русские? Национальным русским писателям не позволят к премии приблизиться наши либералы. Что делать? Подошел бы разве что поздний антисоветский Астафьев. Вот кто был бы кандидатом номер один. Но умер.

Дать премию кому-нибудь из старых талантов: Евгению Рейну, Александру Кушнеру, Юнне Мориц? Но Юнна Мориц пугает всех европейцев своей антинатовостью и антиамериканизмом, Кушнер чересчур обыкновенен в своем неоклассицизме, а Женя Рейн – друг Бродского и его учитель. Тогда надо было сразу же ему и давать.

Но если не годятся европеизированные русские писатели типа Битова и Маканина, если занесли в черный список всех ярчайших знатоков русской жизни, от Василия Белова до Александра Проханова, если не годятся старые либералы, если молодые еще не подходят по возрасту, кого же можно выдвинуть в нашей России на Нобелевскую премию?

Мы слегка забыли, что живем не в европейском, а в евразийском пространстве, и если не душу других народов, то душу евразийских просторов, совмещающих и русский, и многие другие народы, на том же русском языке выражали и выражают и другие наши талантливейшие писатели. Я бы выделил Фазиля Искандера, Анатолия Кима и Тимура Зульф리카рова. Кстати, не понимаю расистский настрой шведских академиков. Еще в советские времена Нобелевской премии явно заслуживали грузины Чабуа Амiredжиби и Нодар Думбадзе, армянин Грант Матевосян, молдаванин Ион Друце, казах Олжас Сулейменов, белорус Василь Быков, татарин Равиль Бухараев. А их даже никогда не рассматривали как возможных кандидатов. Но сейчас, уже от имени России, именно из русскоязычных евразийских писателей вполне шведы могут сделать свой выбор.

Может быть, я и выпустил какую-нибудь из уважаемых фамилий, но все равно они делились бы или на европеизированных русских, еврейских писателей, национальных русских и евразийцев. Из них и выберут шведы достойного кандидата.

Я только что внимательно и с увлечением прочитал книгу Мо Яня «Страна вина», уверяю читателей, что «Белка» или «Отец-лес» Анатолия Кима ничем не слабее и не менее мистичны. «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера явно интереснее почти всех последних европейских лауреатов. Сказочный и легендарный мир евразийца Тимура Зульфикарова завораживает более, чем стихи того же Транстремера.

Как только появится первый слух об этом евразийском выборе, естественно, либералы кинутся поддерживать Фазиля Искандера, который, конечно же, своим Чегемом давно заслужил все премии, но надо учитывать и его дряхлеющее состояние и другие причины, которые не позволят ему ни поехать в Стокгольм, ни выступить там с Нобелевской речью. Искандеру Нобеля надо было давать лет десять назад. На заре перестройки, вослед за Бродским.

Хорошо мне знакомая проза Анатолия Кима с одной стороны погружает нас в рязанские леса, в русские реки и озера, показывает чудные русские характеры, но при этом, она, несомненно, наполнена духом древнего Востока, восточными преданиями, языческими преобразованиями людей в белок, деревьев в народы. Единственный минус, пока еще книги Анатолия Кима не перевели на английский и шведский языки, как справятся с этим шведские академики?

У Тимура Зульфикарова и переводы на все европейские языки есть, и даже премии европейские, правда, я плохо представляю, как можно перевести его тягучие сладостно-мистические бормотания нашего дервиша на иные языки? Он чересчур оригинален в своем стиле и неподражаем. Разве что его надо послать в

саму шведскую Академию, пусть послушают его стихи в его исполнении. И перевода не понадобится. Пора шведским академикам учить понемногу русский язык. И делать свой правильный выбор.

Лучшие книги десятилетия

Скептики ворчат: кому нужны эти лучшие книги десятилетия? Или даже столетия? Иные упрекают: а кто ты такой, чтобы определять на всю страну лучшие книги десятилетия? Ты опираешься на некое экспертное сообщество, на опрос читателей, на мнения квалифицированных арбитров? Почему-то кажется неприличным утверждать смело свое личное мнение. Требуют согласования то ли с политбюро, то ли с Думой, то ли с Союзом с самим Господом Богом. Обходился всю жизнь без согласования, обойдусь и на этот раз. Литературный критик и в России, и в мире – категория уникальная. Числиться критиком могут тысячи, но на самом деле, критиков, чувствующих и текст, и развитие главных тенденций, и состояние самого литературного процесса – единицы. Они и влияют реально на развитие литературы, на читательский вкус.

Я, литературный критик Владимир Бондаренко, опираюсь на прочитанные тексты сотен книг и на свое личное чувство слова, на опыт критика и на знание реалий современной литературной жизни.

Десятка в квадрате — из чего она состоит? Прежде всего из книг, серьезно повлиявших на развитие литературы и общества в первое десятилетие нашего двадцать первого века. Не все их авторы мне симпатичны, не все тексты меня устраивают. Но, если та или иная книга или её автор стали заметным событием десятилетия, пройти мимо таких книг или авторов для стоящего критика недопустимо. К примеру, даже в такое абсолютно не литературное десятилетие,

когда литературу осознанно затолкали власти и безграмотная бизнес-элита в самый дальний угол, стали не просто литературными, а общественными событиями книги Александра Проханова "Господин Гексоген", Захара Прилепина "Санья", Эдуарда Лимонова "Смрт" или в какой-то мере "Асан" Владимира Маканина.

Начинаются эти нулевые годы (или заканчиваются девяностые) романом "Укус ангела" Павла Крусанова, этим, несомненно, шедевром десятилетия. Мне кажется, и сам автор своими новыми романами "Бом-бом" или "Мертвый язык" не сумел преодолеть планку "Укуса ангела". Павел Крусанов и сам считает этот роман – своей литературной вершиной. "Думая над феноменом имперского сознания, я в свое время "Укус ангела" и замыслил..."

Интересно, как и бывает в любой великой литературе, что не образ Путина послужил для Крусанова прототипом имперского диктатора Некитаева, а автор романа провидел последующего властителя России.

Года через два после "Укуса ангела" читающая Россия изумилась, восхитилась, вознегодовала, поразила "Господином Гексогеном" Александра Проханова (2002). Вообще-то, никто из внимательных обозревателей литературного десятилетия мимо фигуры Проханова и его метафизических, метафорических романов и повестей не прошел. Тут уж не знаешь, какому из романов отдавать предпочтение: "Господину Гексогену", "Крейсеровой сонате", "Стеклодуву" или последнему "Человеку звезды"?

К примеру, Сергей Беляков в своем итоговом обзоре десятилетия среди лучших книг у Проханова выбрал "Идущие в ночи" (2001). Честно говоря, мне этот роман тоже кажется лучшим из его прозы, и вообще лучшим из книг о чеченской войне. Это и другая стилистика, другой жанр. Баталистика мирового уровня. Жесткий возвышенный реализм. Но, если брать не только художественные качества романа, но и его влияние на общество, его значимость, конечно же,

определяющим в десятые годы был роман "Господин Гексоген", выведший Александра Проханова в лидеры современной русской прозы. Это мощный адреналиновый заряд, всколыхнувший всю современную литературу, явно изменивший господствовавший мейнстрим. На Проханова, как на качественный афганский героин, подсело целое поколение молодых писателей, соединивших протестные настроения, беспощадное видение всех реалий рухнувшей державы, детальный анализ современного общества, с фантазмагорией красок, с авангардным, сюрреалистическим стилем описания.

Проза Александра Проханова смешала все позиции на шахматной доске между либералами и патриотами. Во многом обесмыслилась блокада почвенников либеральными СМИ. По старинке держатся еще за свои либеральные ценности устаревающие на глазах либеральные журналы, но в молодой литературе царят уже другие настроения, либеральная мысль усыхает на глазах. Думаю, и возвращение почти всех ведущих наших постмодернистов от эстетической имитации реальности, от языковой экспериментальной вязи к социальной иронии, к явной политизации и идеологизации своих романов во многом заслуга Проханова. Босх соединяется с Суриковым, Сальвадор Дали учится у Ильи Глазунова, воинские марши обогащаются саксофоном Дюка Элингтона.

Тем временем десятилетие продолжало свой путь. Явно по некоему высшему замыслу проводя параллель с началом XX века. На этот раз в роли великого старца вместо Льва Толстого (кстати, тоже повлиявшего на расстановку фигур на литературной доске нашего десятилетия, особенно на последней "Большой книге") выступал не менее строптивый и влиятельный Александр Исаевич Солженицын.

И как Льва Толстого не скинуть с литературной доски XX века, так и Александра Солженицына не убрать из века двадцать первого. Всё-таки ушел он

лишь в 2008 году. И не просто ушел, а изрядно нашумел двухтомником "Двести лет вместе" (2001).

По смелости поступка трудно сказать, что более рискованно: "Архипелаг ГУЛАГ" в брежневские годы или же очерк о русско-еврейских отношениях в начале нашего десятилетия. Это такое же художественное исследование, и к научным публикациям двухтомник никак не отнести. Да и замалчивают его куда более тщательно, чем "Архипелаг ГУЛАГ", по крайней мере, школьного адаптированного издания не готовится. Вот и в итоговых обзорах не встретил ни строчки. Важность этого двухтомного художественного очерка не в открытии какой-то неведомой и скрываемой правды, а в самой открытости темы, крайне важной для наших народов. Это, пожалуй, лучшая книга non-fiction минувшего десятилетия. О ней спорят больше, чем о его романах.

Четвертой назову книгу Виктора Пелевина "Священная книга оборотня" (2004). Можно относиться по-разному к этим двум знаковым фигурам современной литературы – Виктору Пелевину и Владимиру Сорокину. Тем более, есть у них и явно провальные или даже никчемные, бессмысленные книги. Но не замечать их явный поворот от эпатажной игровой литературы к осмыслению нашей действительности, вот уж на самом деле, к "новому реализму" в пелевинско-сорокинском понимании, никак нельзя.

Со "Священной книги оборотня" Виктор Пелевин по-своему вторгается в политическую публицистику. Сейчас его книга "Ананасная вода..." лежит на столе у президента Медведева, но и в этом сборнике повестей и рассказов в центре всего – противостояние России и Америки. Да и русско-еврейское развитие отношений находит свое отражение. Синтез жизни и литературы, с явным преобладанием неких идеологических конструкций. Это и есть — развитие традиций русской литературы в преодолении навязывавшихся нам

постмодернистских бессмысленных развлекательных догм. Вот уж на самом деле, вспомним того же Маяковского: "Вам... жизнь отдавать в угоду? Я лучше в баре блядам буду подавать ананасную воду".

Пятой знаковой книгой десятилетия назову "День опричника" Владимира Сорокина. Читатели гадают: утопия это или антиутопия? Поле вокруг Владимира Сорокина остается всё таким же загаженным, и даже, если он сильно захочет его очистить, потребуется новый Геракл. Или же новый читатель, ибо старый читатель уже давно начинает от Сорокина отворачиваться. Какие-то дугинские опричные заготовки, какая-то русская монархия, соединенная с технической модернизацией. Может, это личный заказ Владимира Путина? И не понять, сатира это или тайные мечтания Владимира Сорокина. Впрочем, и его последняя "Метель" – не просто искусная стилизация под русскую классику, но и гротескная модель происходящего в России. Когда-то лихие имитаторы и эстетствующие ликвидаторы смыслов, беглецы от действительности, сами стали не просто описывать действительность, но и пророчествовать. Те, кто убеждал писателей встать над схваткой, просчитались. Не получается это у русских писателей. К примеру, сорокинский рассказ "Черная лошадь с белым глазом" вполне годится для газеты "Завтра".

А уж их молодые последователи явно отправились в сторону, противоположную либерализму. Михаил Елизаров – это уже явный герой "новой правой", идеолог Манежной площади.

Его роман "Pasternak" (2003) я бы и назвал шестым романом в десятке десятилетия. Конечно, поэт Пастернак в роли зловещего демона вряд ли порадовал наших либералов. Вот уж где явил себя в полном блеске необузданный русский реванш, как ответ на все унижения и оскорбления русской нации, русского характера, русской веры и русской мечты.... Сквозь весь набор авангардных литературных приёмов, сквозь филологичность текста и густую эрудицию

молодого писателя, не уступающую ни Умберто Эко, ни Милораду Павичу, идёт яростная защита незыблемых вековых духовных ценностей русского народа. Лев Данилкин назвал роман "православным философским боевиком". Наши молодые таланты через голову отцов и старших братьев – постмодернистов девяностых, – обращаются к прозе своих дедов: Лимонова, Проханова, Личутина. К серьезной прозе прямого действия, к идеологической прозе державной Руси. Как сказал сам Елизаров, Пастернак ему никогда не нравился: "Человек талантливый, но какие-то отвратительные поэтические принципы плюс такие же человеческие качества. Смотрю дальше – а там целый айсберг, за которым стоит поганая либеральная гнусь".

Седьмым знаковым романом десятилетия, несомненно, является роман Захара Прилепина "Санька" (2006). Пока это лучшее, что написал молодой прозаик из Нижнего Новгорода. Думаю, этот роман останется надолго в русской литературе. Конечно, интересна и тема – бунт лимоновцев, интересен сюжет. Но, уверен, даже если о лимоновцах забудут навсегда, роман о молодом герое в период краха его страны останется в литературе. Его надо читать, чтобы не искать провокаторов, а всерьез думать, почему тысячи пацанов выходят на Манежную площадь, что их ведет к бунту, откуда ощущение свинцовой мерзости во всей окружающей действительности. Надеюсь, что Захар еще напишет свои главные книги.

Восьмой – Эдуард Лимонов. Несомненно, в десятку книг десятилетия я вставлю книгу рассказов о сербской войне Эдуарда Лимонова "Смрт" (2008). Пожалуй, по степени влияния на молодых писателей Эдуард Лимонов занимает первое место. Как выяснилось, среди участников молодежной премии "Дебют" 90 процентов считает своим учителем, или писателем, оказавшим наибольшее влияние – Эдуарда Лимонова. Это еще одно доказательство того, что молодое поколение отвергло равнодушие и литературные игры. Из книг Лимонова,

вышедших в этом десятилетии, несомненно, наиболее значимой по художественным качествам является сборник рассказов "Смрт". Эдуард Лимонов – один из самых талантливых современных русских писателей. Он не писатель вымысла, но он умеет ярко жить, и умеет ярко описывать прожитую жизнь. Сопереживать с жизнью. Сам заголовок книги "короткое бритвенно-острое слово СМРТ, т.е. смерть. Сербская смерть быстрее русской, она, как свист турецкого ятагана".

Девятый – Владимир Маканин. Те же события на войне, только на чеченской, описаны в романе совсем иного писателя – Владимира Маканина "Асан". Это как бы анти-Лимонов. Писатель вымысла. Он не был ни на войне, ни вообще в армии, и поэтому участники войны (тот же писатель А. Бабченко) легко ловят его на недостоверностях. Конечно, если бы он перенес действие в неведомый край, на неизвестную условную войну, отпали бы все претензии. Впрочем, вся проза Маканина, кроме ранней, уральской, это проза вымысла. Писатель ставит героя в усложненные ситуации, на грань жизни и смерти, и предоставляет выбор. Предать или сохранить честь, погибнуть или выжить...

Десятым романом назову изданный в 2010 году роман Владимира Личутина "Река любви". Личутин – явно до сих пор недооцененный писатель. Конечно, главный его роман – это исторический "Раскол", вышедший в девяностых годах. В десятых годах Личутин написал крайне своеобразный роман "Миледи Ротман". О русском мужике, от безнадежности решившем стать евреем. (2001). И психологический триллер о русском интеллигенте, сеющем повсюду смерть поневоле "Беглец из рая" (2005). Все же в десятку десятки я поставлю его новый чувственный роман о любви "Река любви". Думаю, этот роман нашего северного Боккаччо постепенно обретет своего читателя.

Река любви Кучема как бы соединяется с рыбачкой в томлении, в зове любви, в земном плотском начале. Да и сама река, как материнское лоно, становится семужьим нерестилищем.

Не удалось вставить в десятку ни прекрасный загадочный роман Веры Галактионовой "5/4 накануне тишины", ни остро социальную прозу Романа Сенчина "Елтышевы", ни "Асистолию" Олега Павлова, ни динамичный роман Евгения Чебалина "Безымянный зверь", ни "Сердце Пармы" Алексея Иванова, ни "Путешествия Ханумана на Лолланд" другого Иванова – Андрея из Таллина. Ни "Империю духа" Юрия Мамлеева... А еще "Ушел отряд" Леонида Бородина, еще "Мечеть Парижской богородицы" Елены Чудиновой. Впрочем, это уже почти новая десятка. И не слабее первой.

Конец «Большой книги»

Хочу сказать несколько слов и о литературных событиях последнего 2012 года. Нынешний 2012 год, заканчивающийся сейчас декабром, следовательно, зимой и морозами, а заодно и ожидаемым концом света, для меня, скорее, в литературном плане – весенний год. Я вижу, как набухают почки, у мощной молодой поросли отечественной литературы выходят во множестве книги. Не все из них удачные, но в этом литературном состязании талантов неизбежно появляются лидеры. Алексей Иванов, Александр Терехов, Олег Павлов, Захар Прилепин, Михаил Елизаров, Сергей Шаргунов... Это само по себе событие, после пустых нулевых годов.

Одновременно наступила пора последнего всплеска у поколения нынешних 70-75-летних. И тому примеры – недавние романы Владимира Маканина, Владимира Личутина, Александра Проханова, стихи Юнны Мориц и Владимира Кострова, Евгения Рейна и Глеба Горбовского. Даже непрекращающаяся

литерадеятельность наших ветеранов-фронтовиков, Даниила Гранина, Юрия Бондарева, Владимира Бушина, пусть и риторическая, ностальгическая, самоповторяющаяся проза или критика, вдохновляет и их более молодых коллег.

Когда появляется настоящая литература, возникают и споры вокруг нее. В этом году я бы выделил два ярких литературных события.

Это, прежде всего, книга архимандрита Тихона Шевкунова «Несвятые святые». Удивительно, что в наше время пустой беллетристики, кровавых сериалов и заумной литературы для избранных народ без всякой рекламы раскупает простую и светлую книгу об обычных христианах XX века. Это не пафосные жития святых. Хотя среди героев книги и отец Иоанн Крестьянкин, и схиигумен Савва. Но есть и заблуждающиеся грешники, есть покаявшиеся в проступках монахи, есть и светские люди, среди них Булат Окуджава, Андрей Битов. Люди разных поколений, разных слоев.

Это и история Псково-Печерской обители, история церковной жизни. Живые современные притчи, искренние проповеди священника, молитвы его за всех нас, грешных, простые истории из церковной жизни... Давно я не читал такую простую, светоносную прозу. Но одновременно – это в каком-то смысле истории и иной реальности, об ином бытие. Этот иной мир – не инопланетяне, не далекая экзотика из жизни тропиков и джунглей. Как признает сам отец Тихон: «Рядом с нашим миром, известным всем... существует абсолютно реально иной мир». Христианский мир. Церковный русский мир.

И как же все истосковались по такому миру. За короткое время уже распродано более миллиона экземпляров. Это разве не литературное событие? Архимандрит Тихон Шевкунов – выпускник ВГИКа, ныне наместник Сретенского мужского монастыря в Москве, ректор Сретенской семинарии, секретарь Патриаршего совета по культуре. Но для меня, также как и для миллионов

читателей, это изумительный русский писатель. Вот уж правильно сказал Александр Проханов: у нас появилась новая монастырская проза, мессианская проза о русском чуде, но рассказанная самыми обычными словами. Мы уже отвыкли от такой искренней достоверной прозы. И вроде бы нет там никаких душещипательных или же остросюжетных историй, а, тем не менее, книга привлекла внимание всех слоев нашего общества. Он не идеализирует монастырь, скорее, слегка иронизирует над монахами, подверженными соблазнам, и над своими приключениями.

Но за всеми этими житейскими историями, от собственного плача после удара хвоста коровы, измазанного навозом, до нагоняя от Иоанна Крестьянкина за просмотр телевизора, исходит лучезарный свет христовой веры, обретается смысл бытия в Боге. Книга написана отнюдь не богословским языком, но истинно верующим человеком, каких и в церкви не всегда встретишь... Много в книге и русского народного юмора.

«Несвятые святые» и впрямь можно сравнить с появлением «Привычного дела», ныне ушедшего в мир иной великого русского писателя Василия Белова, и с его же забавными «Бухтинами вологодскими».

Книгу читают и искушенные знатоки мировой литературы, и люди, давно уже не бравшие в руки литературных творений... Как событие в православной жизни России 2012 года, я бы сравнил книгу «Несвятые святые» с многочасовой очередью сотен тысяч людей в храм, стоящих, чтобы приложиться к поясу Богородицы. Тоже, ведь, было непривычное явление для России. Но какое же литературное событие без полемики вокруг него? Зависть ли сыграла у иных признанных писателей (типа Дмитрия Быкова) или же какая-то тайная нелюбовь «креативного класса» ко всему христианскому и народному, но книга «Несвятые святые» неожиданно стала еще и в центре крупнейшего литературного скандала.

Вполне заслуженно книгу «Несвятые святые» выдвинули на премию «Большая книга». И наша просвещенная интеллигенция задрожала от ужаса. Наша литературная тусовка сама мало разбирается в литературе. Для нее – книга отца Тихона – это не литературный проект. Их пугает священнический сан автора. А книга «Несвятые святые» в наше коммерческое время господства дешевых детективов уже завоевала всю Россию. И главной задачей господствующей в жюри «Большой книги» либеральной и антиклерикальной ее части было – не допустить «Несвятые святые» до премии. А как это сделать при таком народном признании? В большое жюри премии входит до ста человек. Я сам – член жюри «Большой книги». Ну и что? Хотя многие члены жюри отдали голоса за книгу отца Тихона, но в размытом море голосов всегда можно организовать тусовочное голосование «всех, кто не за попа», даже, если многие и не читали этой книги.

В коротком списке финалистов было 14 книг. И для всех было очевидно, что лидирует книга «Несвятые святые». По читательскому рейтингу «Большой книги» за отца Тихона проголосовало 1200 человек. На втором месте, далеко позади Марина Галина с «Медведями» – 316 человек. За Даниила Гранина отдали голоса всего 85 человек. Попов с Кабаковым приглянулись лишь 62 читателям. Не будем забывать к тому же, что премия «Большая книга» – прогосударственная премия. Это не частные «Букер» или «Нацбест».

Так почему же на последнем этапе, после безусловной победы отца Тихона и его книги «Несвятые святые» и в читательском голосовании, и по голосованию большого жюри, вдруг эта книга-открытие и откровение куда-то подевалась? Даже не вошла в тройку лучших? Мне рассказывают участники финального заседания, что мнение прозаседавшихся было такое: кому угодно, лишь бы не отцу Тихону.

Вот и подвернулся старейший 93-летний Даниил Гранин со своей книжкой «Мой лейтенант». Пишет либеральный журналист Анна Наринская в газете

«Коммерсант»: «Главная интрига нынешней «Большой книги» состояла в том, получит ли архимандрит Тихон «профессиональную» премию из рук жюри или дело ограничится только народным выбором – настолько же беспрецедентно единодушным, насколько вообще беспрецедентным был успех этой книги... Дать, конечно, было бы не совсем прилично – тогда вышло бы, что прогрессивная в большинстве своем общественность, составляющая обширное (несколько десятков человек) жюри этой премии, мало чем отличается от населения, увлекающегося православными байками. И вообще довольно странно (хоть и занятно) было бы видеть, как архимандрит Тихон – наместник московского Сретенского монастыря, ректор Сретенской духовной семинарии, ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, а по слухам еще и личный духовник Владимира Путина – эту премию из рук этой общественности получает, в то время как девушки из Pussy Riot находятся в колонии».

Если Наринская отражает мнение этих прозаседавшихся, остается пожалеть русскую литературу. Во-первых, конечно же, «прогрессивная» элита «Большой книги» в корне отличается от «быдловатого» русского народа, «увлекающегося православными байками». Вспомним из советских учебников: « Узок круг их интересов. Страшно далеки они от народа». Во-вторых, премию наши «прогрессивные» лидеры «Большой книги» дают не за качество литературы, а за ту или иную ее политическую или религиозную направленность.

Я могу сто раз быть законченным атеистом или буддистом, но как литературный критик я оцениваю книги не по степени их близости к Pussy Riot или к той или иной религии, а по художественному достоинству, по качеству и значимости книги. Что же нам делать с сочинениями графа Льва Толстого или Николая Лескова, что нам делать со старцами Федора Достоевского? Всех за борт на поиски веры?

Чего же стоят все эти присудители премии, если они учитывают в своем раскладе, где и за что сидят некие Pussy Riot? Какие-то комсомольцы с маузерами на плече, желающие расстрелять всех попов. Скопище Латунских. Показать бы видеозапись банкета после премии, когда кое-кто поднимал бокалы за то, что удалось все-таки «попа прокатить». Вот и оказался на свою беду зиц-лауреатом 93-летний Даниил Гранин со своей далеко не самой лучшей книгой.

Остается только пожалеть престарелого Даниила Гранина, который получил премию не за свое творчество, а явно в противовес отцу Тихону. Никто в разговоре в любой литературной среде и не думает отрицать, что «Мой лейтенант» – не та книга, которая заслуживает нашей главной литературной премии. Увы, но седина Даниила Гранина вряд ли прикрыла явное нежелание жюри премировать явного фаворита. Скажу честно, не повезло и авторам книги об Аксенове, моему давнему приятелю Евгению Попову и Александру Кабакову. Думаю, они предпочли бы получить премию «Большая книга» за свою собственную, далеко не худшую прозу, нежели за наспех написанную книгу воспоминаний о своем друге. Спросите их самих, считают ли они лучшей в своем творчестве эту первую совместную книжку воспоминаний о покойном друге? Или это опять задним числом как бы премия Василию Аксенову? Увы, но для премии «Большая книга» и на самом деле настал в 2012 году конец света. Апокалипсис. Вряд ли кто-то серьезно в дальнейшем будет воспринимать ее результаты.

Приведу слова того же везде успевающего Дмитрия Быкова: «Его книга не ужасна, она просто знакова и ориентацией на уже упомянутых неофитов, и любовью к сверхъестественному, и глубокой подспудной уверенностью в том, что нет другого пути к духовной и совестливой жизни, кроме как через веру и соответственно через церковь...

Награждение ее вызвало бы слишком восторженную и слишком предсказуемую реакцию все тех же обскурантов, чей голос в обществе и так все слышнее». Значит, даже талантливый писатель Быков признает, что премии надо давать не за сами книги, не за талант, а за те или иные предсказуемые реакции. И это притом что светлая, и веселая, и добродушная книга отца Тихона скорее напоминает по интонации рассказы Сергей Довлатова или раннего Василия Шукшина, и отнюдь не похожа на угрюмую морализаторскую проповедь некоего церковного зануды. Скорее, и в церковных кругах кое-кто осудил отца Тихона за излишнее скоморошество и шутливость.

В результате этого Апокалипсиса «Большой книги» выиграл только отец Тихон и его книга. Как ни хотел священник уйти от лишнего шума, а неплохой пиар в результате получился. И книга «Несвятые святые» начнет распродаваться уже по второму миллиону. А если к этому добавить такую же православно-монастырскую прозу Олеси Николаевой, Владимира Крупина, стихи отца Владимира Нежданова и даже еретические выплески Ивана Охлобыстина, мы получим новую литературную тенденцию с предсказуемой православной реакцией. Не думаю, что такой же успех ожидает «Мой лейтенант» Даниила Гранина.

Вторым таким же шумным и таким же литературно значимым событием 2012 года я считаю художественное эссе-памфлет Захара Прилепина «Письмо товарищу Сталину». Прежде всего хочу сказать, что это блестящий литературный жест, чисто литературное явление, а не некая публицистика.

Первый раз я прочел рассказ Захара Прилепина «Письмо товарищу Сталину» как яркую антилиберальную сатиру. Так, забава для мозгов. Второй раз, кроме самого текста, в меня влезал и его подтекст. По сути, там языком гротеска и постмодернизма сказана русская правда о русском народе. Думаю, и эту хлесткую сатиру на либеральное общество, какой бы беспощадной она ни была, не заметили

бы. Понимал это и сам Захар Прилепин. Как угодно ругай русский народ, русские власти, русских миллионеров, – никому до этого дела нет. И вдруг полемика по всему мировому интернету. Пишут свои колонки Шендерович и Иртеньев, Быков и Кох, Ольшанский и Долина. Что новое нашли?

Нанесен удар по нашему креативному классу, пришедшему на смену русской интеллигенции. Надежда Мандельштам в своих мемуарах писала восторженно о той старой русской интеллигенции, среди которой она жила, и сожалела, как на ее глазах эта интеллигенция исчезала из нашего общества. Что же пришло вместо русской интеллигенции? Даже не интеллектуалы, а некий креативный класс активных потребителей, лишенных любых и левых, и правых идей и смыслов.

То, что говорит наш новый креативный класс, не смеем говорить мы... Думаю, сначала заигрался и Захар в своей дружбе с креативным классом. В своих поездках, в своих тусовках он говорил с ними на равных, говорил о том же самом, и его уже считали вполне своим.

Захар решил заговорить их креативным языком о русском народе и о нашей стране. Он переступил черту дозволенного. Вся центровая наша псевдоинтеллигенция – это уже не интеллигенция, а креативный класс. Мы – бывшие интеллигенты, и левые, и правые, и демократы, и патриоты, уже на обочине, по касательной к нынешней жизни. Захар сначала вырвался вперед даже среди креативщиков, вот сейчас ему и покажут его место. Или играй в креативные обогащающие игры с нами, или мы тебя не пустим в нашу мировую обойму.

Я рад случившемуся. Если бы Захар не переступил нечаянно эту черту креативности, все пошло бы по-другому.

Захар дал свой четкий и нетрусливый ответ. Хватит стесняться своих отцов. Или мы ничего не стоим. Наша патриотика сейчас давно уже, кроме прохановского остряка, не рвется на баррикады, не рвется защищать культуру России. Да и просто

не пишет ничего интересного. К тому же, многие официальные патриоты крайне отрицательно относятся ко всей прилепинской банде. Также когда-то не любили лермонтовскую банду, гумилевскую банду, куняевскую банду, прохановскую банду. Ждали болотного покоя. И вдруг этот прилепинский вызов.

Сегодня, особенно после публикации «Письма товарищу Сталину», Захара Прилепина обвиняют и в патриотической критике, и в либеральной, в излишней тусовочности, в голом подражательстве, фокусничестве. Считают, что о нем говорят больше, чем он того заслуживает. О нем и впрямь после этого письма писали почти во всех газетах и журналах.

Читая эту злостную критику Прилепина, я поневоле вспомнил подобную же критику Михаила Лермонтова. Те, кому не нравится подобное сравнение великого русского поэта Лермонтова с молодым еще Захаром Прилепиным, пусть знают, что же писали вполне приличные и известные люди о молодом Лермонтове. Вот, к примеру, какого мнения о Лермонтове был близкий друг Пушкина, знаменитый ученый, знаток искусства, поэт, критик и издатель, ректор Петербургского университета, академик Петербургской АН (1841), Петр Александрович Плетнев.

Плетнев писал: «О Лермонтове я не хочу говорить потому, что и без меня говорят о нем гораздо более, нежели он того стоит. Это был после Байрона и Пушкина фокусник, который гримасами своими умел толпе напомнить своих предшественников. В толпе стоял Краевский (издатель и один из первых ценителей Лермонтова – В.Б.). Он раскричался в «Отечественных записках», что вот что-то новее и, следовательно, лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за ним взвизгивать то же... Придет время, и о Лермонтове забудут...».

Замените в этом отзыве фамилию Лермонтова на Прилепина, Плетнева на кого-то из изысканных ученых его критиков, на роль Краевского и я подойду. В

конце концов, Захар начинал печататься именно в моей газете «День литературы». И будет то же самое.

Конечно, «Письмо товарищу Сталину» – этот изысканный художественный памфлет, свифтовская глубокомысленная ирония.

Мне кажется, Захар начинал писать немного и из фронды, но уже когда писал, подключился к русскому национальному нерву. И так вот с ухмылочкой со стороны посмотрел на все эти нынешние антисталинские либеральные выпады. Сталин здесь скорее фон и для Захара, и для его оппонентов. Спор не о нем. Захар глубоко копнул традиционное противостояние в России народа и придворной элиты. Глубоко сидит в Захаре эта нижегородская глубинка, не выкорчевать. Но, если от этого письма всколыхнулась вся Россия, значит, весомо еще писательское слово. Не исчезнет и русская литература.

Третьим, уже печальным событием в русской литературной жизни я бы назвал кончину 4 декабря 2012 года великого русского писателя Василия Ивановича Белова.

Ушел в мир иной простой, кряжистый русский человек, очень похожий на своего героя Ивана Африкановича из «Привычного дела». Но его книги, его уже при жизни ставшие классическими романы, рассказы и повести о жизни русского крестьянина не просто вошли в сокровищницу русской литературы, но и определили одно из ее главных направлений. Василий Белов дал нам русскую крестьянскую вселенную. Я ценю его «Кануны», смеюсь над его завиральными «Бухтинами», вижу всю трагедию крестьянства во вроде бы неприхотливых «Плотницких рассказах». Удивляюсь его прозорливости в романе «Все впереди». Рядом с классической повестью «Привычное дело» я бы поставил все-таки его книгу о народной эстетике – «Лад». Его книга о народной эстетике «Лад» дает системное представление о самом укладе русской жизни. Ему досталась тяжелая

участь, он прикрывал веки уходящему русскому крестьянству, он и сам был как бы последним вздохом, мощным, но прощальным, былой крестьянской Руси.

Он завещал похоронить себя в родной Тимонихе, рядом с могилой матери Анфисы Ивановны. Знаю, что местное начальство хотело его похоронить в Вологде, и ближе, и удобнее, и дешевле. Но, наверное, сам непокорный северный русский дух Василия Ивановича Белова вмешался в этот спор, и он нашел место упокоения в своем родном селе. Недалеко от построенной им церкви.

Рад этому, еще одно святое сакральное русское место появилось на земле, рядом с Ясной Поляной, Михайловским, станицей Вешенской... Уверен, будут туда ездить во все времена русские люди, пока жива Россия. Будут в Тимонихе и ежегодные литературные беловские чтения. Будет и беловская литературная премия.

Смерть все ставит на свои места. Сразу всем, и левым, и правым, стало ясно – ушел великий русский писатель. Хранитель русского Лада.

Я понимаю, что главные события в нашей литературе выглядят не совсем толерантными. Но «жизнь такова, какова она есть, а больше никакова» - писал поэт Владимир Костров. А отмеченные мною события и тенденции стали и на самом деле главенствующими и в мире литературы, и в околослитературной жизни. На эти события обратил внимание миллионный читатель. Что меня и радует. Есть еще порох в нашей пороховнице.

Жрецы русского постмодерна!

Вот уже сколько времени в прессе идет полемика о постмодернизме. Но, обратите внимание, как узок круг обсуждаемых имен. Как и всё в нашей культуре, дискуссия замкнулась на десятке привилегированных либералов, навязанных всему

обществу постперестроечной элитой. Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин, Михаил Шишкин, Дмитрий Быков.... Из предшественников участники дискуссии лишь вспоминали Сашу Соколова и Андрея Битова... Больше никакой литературы вроде бы в России не было и нет.

При этом тот же либеральный критик Евгений Ермолин признает, что их либеральный постмодернизм оказался гносеологически и этически бездарен. И нашей литературе он не дал ничего, столь же значимого, как проза Милорада Павича и Умберто Эко, Зюскинда и Борхеса. Естественно, либеральный критик Ермолин промолчал, что и сербская проза Павича, и итальянская проза Эко, и английская проза Зюскинда, и латиноамериканская – Борхеса – прежде всего глубоко национальны, а потом уже постмодернистичны. Наши безликие либеральные постмодернисты, (так же как и безликие неореалисты, трансавангардисты и т.д.) без своего национального лица, не способны чем-то поразить или хотя бы заинтересовать мир. Начнем с того, что любое литературное направление, от романтизма до футуризма, от реализма до авангарда, от акмеизма до постмодерна – политически, социально, этически и даже национально – нейтрально. Акмеист Гумилев – белогвардеец, а футурист Маяковский – большевик, Реалист Бунин – тоже белогвардеец, основоположник аналитического искусства Филонов – комиссар. У белогвардейца Гумилева учатся писать и Тихонов, и Багрицкий, и Симонов. У белогвардейца Бунина в учениках ходит вся советская талантливая проза. Объединяет их всех и делает великими общий национальный дух.

И потому не будем вешать на постмодернизм никаких политических ярлыков. Сама по себе стилистика постмодерна, взятая как сумма приемов, не может быть ни хорошей, ни плохой. Постмодернизм передает состояние хаоса, фиксирует хаос, но, увы, не литературный постмодернизм создал в нашей стране этот хаос. Тот же

постмодернизм в состоянии и собирать осколки из разрушенного целого, систематизировать творящийся в стране хаос. Конечно, постмодернизм связан со временем. У нас в России он, по сути, начался после крушения великой советской цивилизации. Начался в состоявшемся хаосе. Все отсылки к «Лолите» Набокова или к «Москва-Петушки» Венечки Ерофеева ничего не стоят. Можно сослаться и на «Золотого осла» Апулея, или на «Ревизора» Гоголя. А уж когда участники дискуссии записывают в постмодернисты всех творцов позднего советского авангарда, от В.Некрасова до Э.Булатова, давних моих знакомых концептуалистов, я развожу руками, может, и Малевича с «Черным квадратом» запишем в постмодерн, или, наоборот, Дейнеку. У всех что-нибудь отыщем и хаотичное, и цитатное.

Но, если говорить всерьез, не связано ли возникновение русского постмодерна с попытками вытащить из перестроечного хаоса хоть осколки, частицы уцелевшей советской культуры? По всем понятиям, в том числе и по требованию ельцинской власти, предыдущая культура должна была полностью исчезнуть, уйти в небытие. И вдруг появляется постмодерн, который цитатно паразитирует именно на предшествующей советской культуре, сохраняя для будущих читателей её наследие. Как археологи, осторожно собирают осколки ценнейших ваз или украшений, а то и целых зданий, так и постмодернисты, кто осознанно, кто неосознанно, вытаскивают на свет Божий руины великого прошлого. Прекрасный историк Умберто Эко сказал: «каждая эпоха знает свой постмодернизм». В эту эпоху упадка культура становится заведомо маргинальной. Приходит время культурного варварства. Но культурное варварство постмодернистских неопитов и рушит господствующую ныне либеральную модель жизни. Сохраняя пусть в осколочном, хаотичном виде мир великого прошлого.

Читайте внимательно, весь постмодернизм для потомков будет прочитываться едино вместе с самой советской культурой. Без знания, откуда взята постмодернистская цитата, не интересна и самая едкая ирония над этой цитатой. Постмодернисты, как охранители советского прошлого. Рухнул Советский Союз, и из груды обломков постмодернисты достают, кто бессмертного комдива Чапаева, кто «хорошего Сталина», кто чекистов, кто ту же самую женщину с веслом. Но либеральные постмодернисты делали свою охранительную работу неосознанно, ни Виктор Ерофеев, ни Владимир Сорокин, ни даже Дмитрий Быков, сами не понимали, что они реставрируют советское прошлое.

В эту постмодернистскую работу по собиранию осколков и обломков великой Державы уже вполне осознанно подключились патриотические, державные писатели. Постмодернизм, как передышка перед новым взлетом. Да, постмодерн безыдеален, но сегодня и нет никаких идеалов, вот пока не сформировался в обществе новый идеал, надо собирать обломки старой великой культуры. Собственно, и все вершины западного постмодерна держатся на величии былой европейской культуры. Умберто Эко – итальянской, Павич – южнославянской, Зискинд – английской. И так далее. Постмодерн должен быть национален более, чем даже реализм или авангард. Его величие держится на величии национальных предков нынешних творцов постмодерна.

Не может быть достижений у российского постмодерна, если он, в отличие от европейских коллег, не связан с национальной русской историей и культурой. Вот почему вдруг у сообразительного Сорокина возник такой резкий поворот к русско-национальному: «Сахарный кремль», «День опричника», «Метель». Вот почему проваливается нынешний Пелевин с его оккультными увлечениями, этого не надо.

Посмотрим же на нашу национальную русскую прозу, щедро использующую приемы постмодерна. Может быть, если мы внимательно прочитаем явно

постмодернистские книги Александра Проханова и Юрия Полякова, Юрия Козлова и Юрия Петухова, Анатолия Афанасьева и Вячеслава Дегтева, или щедро использующие постмодернистский инструментарий романы Владимира Личутина «Миледи Ротман» и «Беглец из рая», Веры Галактионовой «5/ 4 накануне тишины», прочитав поэзию Юрия Кузнецова и Тимура Зульф리카рова, мы отчетливо увидим, что и на постмодернистском пространстве умалчиваемое и оттесняемое господствующей либеральной критикой державно-национальное направление явно завоевало все господствующие высоты. Меня лишь поражает, что даже отнюдь не либеральные критики, такие как Владимир Шемшученко, Лев Пирогов, Андрей Рудалев и Дмитрий Колесников, щедро критикуя либеральные пустоцветы, забывают о достаточно крупных достижениях именно в области постмодернизма русской национальной литературы. Критикам даже патриотическим, профессионально навязывается одна и та же обойма либеральных имен, хоть ругайте, но пишите только о них. Больше ни о ком.

Но давайте хотя бы вспомним, как блестяще высмеял ту же постмодернистскую либеральную прозу теми же приемами постмодернизма Юрий Поляков в романе «Козленок в молоке». Настоящий постмодерн всегда разрушителен, но почему не разрушить несостоявшийся либеральный постмодернистский реванш чисто по постмодернистски, как это сделал в своем «Козленке...» Юрий Поляков? О нём не любят писать ни левые, ни правые критики, но книжки-то его точно почитывают. У Полякова в жизни есть немало постмодернистских пауз, моментов хаоса. Родился 13 ноября 1954 года, но родители, боясь несчастливости числа, записали в свидетельстве о рождении иную дату 12 ноября. Вот в этой суточной чисто постмодернистской хаотической паузе и творится нечто загадочное в жизни писателя. Одна линия – 12 ноября, в официальный, защитный от всех напастей по желанию родителей день рождения, эта благополучная линия не нарушается при

любой власти, и без каких-то провалов ведет Юрия Полякова вверх и вверх по официальной лестнице. Это, условно, линия собаки. Добропорядочного пса, не лукавого, не подличающего, но законопослушного и исполнительного. Вторая линия – подлинный день рождения 13 ноября 1954 года, эта линия и сделала Юрия Полякова настоящим писателем, блестящим сатириком, жестким публицистом, независимым русским мыслителем. Это линия волка, легко перепрыгивающего через все красные флажки. Я давно знаю, как бы ни нашептывали поляковские недруги и завистники, – эта линия у него главная, с этой линии он не сойдет. При столкновении 13 ноября с 12 ноября всегда победит линия непредсказуемого вольного творчества. Разве это не постмодернистский сюжет?

Говорят, высокий британский чиновник Свифт тоже поражал подчиненных и начальников своими вольнодумными ироническими книгами. Говорят, и вице-губернатор Салтыков-Щедрин приводил в недоумение, а то и в ярость чиновных коллег своими резкими сатирическими произведениями. Вот еще два великих постмодерниста по жизни.

В сочетании этих двух дней и кроется разгадка читательского успеха Юрия Полякова. Пишет-то свободные, разящие, ироничные книги автор, рожденный в чертову дюжину, но прикрывает его, находит пути распространения и пропаганды книг и пьес всегда благополучный, всегда энергичный именинник дня двенадцатого.

Подобной явно постмодернистской чертовщины и боятся все критики. Один из самых читаемых и раскупаемых писателей, а критики любого направления молчат, будто его и нет. Пусть бы ругали, громили. Обвиняли бы в беллетризме, поверхностности, цитатности, хаотичности, в чем угодно. Нет. Молчат. И в дискуссии о постмодернизме о нем молчат. Юрий Поляков как бы по второму кругу, после нашумевших повестей в «Юности»: "Сто дней до приказа", "ЧП районного масштаба", и "Работа над ошибками", входил в литературу уже как

мастер, со своими постмодернистскими книгами: "Демгородком" и "Козленком в молоке". Теперь ему в литературе сам черт был не страшен. Еще до "Кыси" Толстой и до кабаковских литературных антиутопий, до постмодернистских изобретательств Пелевина, легко и изящно он сотворил постмодернистский "Демгородок", используя умело весь запас постмодернистских приемов, и быть бы ему вновь облаканным депрессией, если бы он затолкал в придуманную им лагерную зону старых коммунистов или же ретивых поклонников "Памяти". Но Юра почему-то умудрился в августе 1993 года в журнале "Смена", в самые напряженно-кровавые дни, в повести "Демгородок" с изящным бесстрашием выдуманном переворотом смести с власти легко угадываемого Ельцина и всех его сатрапов – более того, по велению своего ума и сердца упрятал их в строго охраняемую зону. Все свое ехидство развернул в сторону столпов демократии. Естественно, сразу же появились и разоблачители. Ниспровергатели таланта Юрия Полякова. Его попробовали списать за ненужностью. Спешно перечеркивали все его творчество. Но читатель оказался умнее демократических ниспровергателей. На их глазах писатель заматерел, стал намного богаче его изобретательный язык, с сюжетом вообще Юрий Поляков делал все, что хотел, и все получалось. Хотите детектив – найдете у него такой, что злодея не разгадает до конца никакой знаток Шерлок Холмса. Хотите постмодернизм – вот вам каскад приемов, весь сюжет переворачивается вокруг самого себя, все становится игрой, весь мир разыгрывается, словно колода карт. Но сквозь литературную игру читатель доискивается до трагедии, в шуточках прячется драматизм сегодняшнего человека.

Каково было действующим государственным чиновникам, каково было обслуживающей их придворной культурной элите читать про себя талантливо написанные постмодернистские разрушительные "гадости" и разоблачения в канун октябрьских событий? Роман Арбитман в исступленно-либеральной тогда

"Литературной газете" устроил писателю маленький погром: "Итак, поражение ненавистной "дермократии" на Руси, которое так долго обещали народу большевики, состоялось. Пусть на бумаге, но состоялось... Юрий Поляков на бумаге отыгрался за все обиды, общественные и личные... Как выяснилось, писателю благоприятствовала атмосфера полуправды, в которой можно было показать себя на правах "разрешенного" обличителя... Пока существовали "белые пятна" и закрытые области, легко и приятно было делать полшага вперед и открывать Америку. Когда игра в догонялки кончилась и читателя требовалось привлекать чем-то иным, кроме оперативности "отклика", Юрий Поляков был бессилён... Оказался без работы..."

Сегодня, когда Юрий Поляков, "бессильный и безработный", стал главным редактором той самой "Литературки", тотально провалившейся именно из-за ее исступленно-радикального либерализма, читать эти лживые строчки критика даже смешно. Что ни слово, то явная ложь. А написана и опубликована эта ложь в форме доноса была сразу же после октябрьского расстрела Дома Советов, когда еще шли аресты противников ельцинского режима. Роману Арбитману, так же, как и другим его радикально-либеральным коллегам по разрушению культуры, от писателей требовалась и требуется ненависть ко всем устоям и традициям, ненависть к человеку вообще. К его святыням и идеалам.

Это уже характер писателя, чисто поляковская особенность. Он и в иронии, и в сатире, и в публицистике своей, и в самом убийственном ехидстве – мягок и сентиментален. Может быть, поэтому его недолюбливают нынешние критики. Сентиментальная ирония, сентиментальная трагедия и прекрасное знание языка улицы. Он не выдумывает слова. А внимательно слышит и видит. Юрий Поляков, легко и весело, без излишних потуг, соединил классическую традицию реальности жизни и карнавальный постмодернистский камуфляж.

И еще есть у него интуитивное предвидение будущих событий. Наш литературный Нострадамус. Юрий Поляков как бы видит свое время, и даже трогает его на ощупь. А потом проверяет на перспективу. Не получилось стать предсказателем в октябре 1993 года, не совпал избавитель Отечества адмирал Рык с образом реального генерала Руцкого – ничего, можно и подождать. Хорошая литература пишется не на день, и не на год. Главное, писателю было ясно, что на смену проворовавшимся демократам вскоре придет новый жесткий порядок, а адмирал его будет наводить, летчик или же чекист – не так важно. Он ведь и избавителя Отечества в своей повести тоже по головке не гладит, запаса постмодернистской иронии и на него с избытком хватает.

И это же всерьез, по сути дела, русские постмодернисты разрушали ельцинскую перестроечную буржуазную идеологию. Так же как её уничтожали у себя левые постмодернисты Запада.

В другом своем культовом постмодернистском романе "Козленок в молоке" читатель найдет захватывающий сюжет, яркие характеры, тонкий юмор и утонченную эротику... А начиналось все с необычного пари и феерически смешной истории про мнимого писателя, ненаписанный роман и вполне реальную литературную премию... "Козленок в молоке" интересен как художественно состоявшаяся попытка вновь совместить принципы реализма с достижениями постмодернизма. Как рассказывает сам автор: «"Козленка в молоке" я написал на спор. Как-то мы сидели в компании, выпивали. Я сказал, что никакой постмодернист не напишет хороший реалистический роман – запутается в элементарном. А любой крепкий реалист осилит постмодернистский роман, да так, что он будет пользоваться коммерческим успехом. Друзья не согласились, и я решил доказать, что прав. За два года я написал "Козленка". Когда принес издателю, тот покачал головой: "Очень смешно, но это интересно только писателям". С тех

пор книга вышла 23 переизданиями и по общим тиражам, кажется, превысила всю нашу сегодняшнюю постмодернистскую литературу. Так что спор я выиграл...»

Сегодня «Козленка в молоке», так же как и «Демгородок», смело можно назвать классикой постмодернизма, ничем не слабее Милорада Павича. Он гасил наших либеральных постмодернистов их же собственным оружием. Роман "Козлёнок в молоке" вышел в 1995 году, с тех пор переиздавался не меньше пятидесяти раз. Читают. И есть за что, и есть о чем – есть, над чем посмеяться и есть, о чём задуматься.

Еще одного Юрия – Козлова, даже либеральные критики сравнивали с Пелевиным. Мол, если бы не держался упорно патриотических взглядов, то и популярность была бы не ниже, чем у Пелевина. У Юрия Козлова и его литературной семьи своя крутая постмодернистская судьба. С такой судьбой уж точно, сугубым реалистом не станешь. Кстати, умный критик даже по биографии писателя может предположить, кому суждено быть сугубым реалистом, кому мистиком и авангардистом, кому ироничным постмодернистом. А если уж сравнить прозу и биографию отца Юрия – талантливого прозаика Вильяма Козлова – с прозой его внучки, дочери Юрия – Анны Козловой, такой постмодернизм получается, такое невыразимый хаос, на целый телесериал напрашивается.

Карнавальность и шутовство постмодернизма, его едкая ироничность по отношению к происходящему, та самая разрушительность, о которой так хорошо написал Валерий Рокотов, она и присуща всей нынешней постмодернистской прозе Юрия Козлова, но, замечу тому же Рокотову, разрушает эта проза нынешнюю постперестроечную коррупционную идеологию. Увы, и в своей постмодернистской жизни, Юрий Козлов, работая в нынешней властной структуре, прозой своей разрушает свою же рабочую структуру. Может, так и надо? Может, так и можно

спасти русскую нацию и русское государство? Вполне респектабельный и социально благополучный Юрий Козлов, в литературе беспощадный мститель за поруганную державу. При этом мстит он не дубинкой или кривым кинжалом, а своими идеями. Это, скорее, один из русских пророков, увлечённый мистическими и религиозно-философскими мотивами русской нации, вписывающий в нашу либерально-коррупционную жизнь великие мифические модели спасения нации и государства

"Колодец пророков" – роман, где под оболочкой увлекательного триллера скрывается мистическая модель второго пришествия. То ли Христа, то ли Антихриста. Но и под оболочкой мифов скрывается не много, не мало, философия спасения нашего народа. Быть бы ему Кастанедой русским, или Бердяевым, но мешает постмодернистская ирония. И над самим собой, и над своей высокой службой, и над всеми попытками разрушения России. Об этом – в произведении Юрия Козлова «Колодец пророков». Уж ничем не слабее, чем романы Умберто Эко. Это один из самых талантливых писателей нашего времени, сумевший сказать новое слово в русском постмодернизме.

Увлечение мистическими и религиозно-философскими мотивами, включение современной реальности в мифологическую модель мира, прекрасное знание и античности, и современной западной культуры не могли отменить господствующую в сознании и писателя, и человека, и гражданина Юрия Козлова державность и национальную гордость. Его отвернула от перестройки не приверженность каким бы то ни было левым марксистским идеологиям, скорее он был всегда близок к правому политическому консерватизму в традиционном понимании этого слова. Его отвратила пошлость и вульгарность так называемых культурных преобразований в России. Он мог бы сказать подобно Андрею Синявскому, что у него с ельцинским режимом эстетические разногласия. Впрочем,

насколько я знаю, все подлинные эстеты в русской культуре оказались рано или поздно в оппозиции к новому либеральному режиму.

Будучи тонким стилистом и ценителем красоты слова и образа, он научился одевать свои имперские построения в изящную архитектонику, в тонкие кружева стиля, прикрывая грубую и брутальную героику последних солдат империи ссылками на западных кумиров, ироничными высказываниями в свой же собственный адрес. По сути, он опередил и Виктора Пелевина, и Татьяну Толстую в их психоделическом реализме, в их любви к метафизическим сюжетным ловушкам. Но признать его достойное место в современной литературе ведущими либеральными критиками начала перестройки, прибравшими к рукам всю власть в средствах массовой информации, это означало – признать живой и развивающейся перечеркнутую ими национальную модель русской литературы. С другой стороны, его всё возрастающая любовь к виртуальным переодеваниям героев, его склонность к собиранию мифологической мозаики нашего бытия отдаляли Юрия Козлова от стареющих лидеров почвенного направления. Увы, но на свою беду идеологи державности тоже побоялись сделать ставку на блестящего мастера современной прозы, побоялись объявить его новым литературным лидером национального направления.

В романе «Колодец пророков» налицо и метафизичность, и имперскость, и острсюжетность, и мистическая загадочность, и протестность, и даже социальность. Куда до него и по продуманному сюжету, и по художественному мастерству, и по смысловой многослойности тому же «Коду да Винчи» Дэна Брауна? Скорее я бы сравнил Юрия Козлова с его старшим современником, близким и по отношению к миру, и по стилистике, и по метафизичности мышления Александром Прохановым. Да и «Колодец пророков» скорее прочитывается как

явная предтеча прохановского «Господина Гексогена». Творческая близость этих писателей была заметна ещё с «Геополитического романа».

Читаю новый роман «Закрытая страница». Как замечает либеральный критик Лев Данилкин: обскурантист и мракобес Юрий Козлов «...тоже умеет жонглировать метафизическими тарелками в режиме реального времени, и это увлекательное зрелище. Его философский свиток развёртывается с удивительной естественностью, будто легкоступный божок танцует над теплотрассой...» Есть в рецензии Данилкина масса верных замечаний (так кто же его упрекнёт в непрофессионализме?), но сводить всю «Закрытую таблицу» к похождениям «отца и дочери – помешанных на смерти и сексе...» я бы не стал. Уши гламурной «Афиши» так и торчат из такого пристального прочтения. Скорее, для меня главная восемнадцатилетняя героиня нового козловского романа Альбина-Беба – это его писательский постмодернистский щуп в новое поколение, в новое время, его убеждённость, что и в этом якобы насквозь испорченном поколении пепси господствуют совсем другие, отнюдь не потребительские инстинкты. И, заглянув в закрытую таблицу будущего России, он видит в этом будущем и место для Иисуса Христа, и место для нового прочтения Иосифа Сталина. Тонко чувствующий слово, ироничный прорицатель и метафизик погружается в русскую державную кондовость. Что делать с таким небожителем? Как попридержать его от проникновения в главенствующие постмодернистские «списки голубых фишек русской литературы»?

Даже ирония у Юрия Козлова, которой переполнен роман «Закрытая таблица», какая-то не либеральная, не опустошающе лёгкая с привкусом морской одесской пены, а угрюмо-тяжёлая, сближающая его со стихами его собрата и по перу, и по направленности убеждений – его тёзки Юрия Кузнецова.

Хотел бы отметить, что само предположение о либеральной сути постмодернизма глубоко ошибочно. В тех же США постмодернисты обычно выражают взгляды реакционно настроенного «белого молчаливого большинства». Постмодернизм решительно отрицает саму либеральную толерантную контркультуру как доведенную до предела практику мультикультурализма. Постмодернизм направлен на разрушение, но разрушение разлагающегося либерального общества. Когда у нас с 1993 года после свержения советской власти, и разрушения великой державы, установился гибельный ельцинский режим, именно постмодернизм и должен был обрушиться на него.

Что он и сделал. Вместо пафосного антисоветизма гуляет в нашем обществе спасительная постмодернистская ирония в адрес наших перестройщиков, благодаря ей, не установить нам ни культ Егора Гайдара и его дружков. Ни культ спасителей отечества Ельцина и Горбачева. Во время пришел к нам разрушительный русский постмодернизм. Я в восторге от статьи Валерия Рокотова, но он же признал, разрушили державу не постмодернисты, которых во время оно и не было вовсе, а обуржуазившиеся партократы, самые примитивные соцреалисты, прибравшие к своим рукам целую цивилизацию. Закончится время постмодернизма, хаоса и осколков, неизбежно придут и новые лидеры, и новая литература. В советское время тоже сначала в головах у народа вымывали дореволюционные ценности (плохие они были или хорошие – другой вопрос), а потом уже создавали советскую героику.

Вспомните 90-е годы, когда на Ельцина молились миллионы людей, (а это, увы, было!) не будь разрушительного постмодернизма, вот и утвердился бы на века в сознании народа этот дикий капитализм.

Когда мы лет пятнадцать назад с моим ныне покойным другом Юрием Петуховым задумали и стали выпускать серию «Библиотека сверхреализма», по

сути, мы и выпускали нынешнюю классику русского постмодернизма. Этот термин уже тогда перехватили либералы, жаль мы с ними не поборолись. Я убежден, в России всё должно быть русское, от русского реализма до русского постмодернизма. Но, когда мы с Петуховым говорили о сверхреализме, мы и имели в виду направление, отражающее весь хаос наших дней, воссоздающее из осколков разбитого новую картину мира. Мы успели издать в серии «Библиотека сверхреализма» книги Александра Проханова, Владимира Личутина, Тимура Зульфикарова, Виктора Пронина, Анатолия Афанасьева, самого Юрия Петухова... Готовились к изданию книг Юрия Козлова, Юрия Полякова, Веры Галактионовой, Юрия Мамлеева, Анатолия Кима, Владимира Орлова, Михаила Елизарова, Эдуарда Лимонова, хотели привлечь даже Владимира Сорокина с его новыми опричными романами.

Юрий Петухов сказал в беседе со мной: «Что касается традиционного русского реализма, то он не умер, и никогда не умрет. То, что создано веками, что увековечено русскими гигантами, от Толстого до Бунина, будет постоянно развиваться. Хотя, я уверен, у каждого реалиста есть и мгновения сверхреализма. Скажем, у Распутина в "Прощании с Матёрой", у Белова в "Привычном деле", у Личутина в "Беглеце из рая". Русский реализм – это осевое направление в литературе. Оно было, есть и будет. Столбовую дорогу никто отменить не может. А сверхреализм дает возможность расширить поле реализма. Когда мы видим несусветную дурость мира, в котором всё нелогично, всё не связано, нам требуется иное видение предмета. Иное постижение. Включается наше подсознание, наше сверхсознание. Мы даем отпечаток того, что происходит в мире. Пусть это — измененное зеркало нашего подсознания, всё равно оно существует, и значит, дает возможность прояснить мир. Я считаю, что тенденция сверхреализма будет расти во всем мире. Ибо ушла былая ясность и простота событий... Дорог мне роман

"Бойня", где я предвидел всё, с нами произошедшее. С "Бойни", несомненно, пошла вся обойма антиутопий в русской литературе. От "Кыси" Толстой до "Дня опричника" Сорокина. На "Бойню" написали даже пародию. Потом внезапно замолчали. Абсолютно все. Обидно, что царит заговор молчания. Не ругают, не хвалят – не замечают. Но есть читатели...»

Не случайно же первым великим жрецом красного постмодернизма назвал священник иерей Александр Шумский не какого-нибудь Пелевина или Сорокина, а Александра Проханова. Вот истинная глыба русского национального постмодернизма. Вот у кого могут поучиться и Павич, и Эко, и Зюскинд. Но, как водится: «...лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии.»

Неужто видят всерьез в Проханове замшелого реалиста? Как говорил Станиславский: не верю! Почему сводят литературное направление к одной политической либеральной группировке? Кто-нибудь знает, каких политических взглядов придерживается серб Павич? За какую партию голосует Зюскинд? А куда подевать ультра-правого профашиста Борхеса? Так и в русской литературе – постмодернизм был порожден Александром Прохановым.

Александр Проханов – это главный символ русского постмодернизма. Главное его достижение. Все творчество Проханова, стиль его поведения, его работ, его публицистики, стиль самой газеты «Завтра» надо рассматривать как явления постмодерна, причем такого уровня, который никогда не снился самым либеральным постмодернистским идеологам. Не скрываю, я об этом писал и говорил уже лет десять, не меньше. Писал о том, что в своей прозе Проханов выглядит не упертым националистом, а утонченным постмодернистом. Он своим романом «Господин Гексоген» раззадорил целое племя молодых постмодернистов. Породил и «Укус ангела» – высшее достижение Павла Крусанова, и «Библиотекарь» Михаила Елизарова, и «Черную обезьяну» Захара Прилепина. Не у

Сорокина и Пелевина они учились, а у Проханова. Что такое русский постмодернизм? В постсоветском пространстве литературы на территории бывшего СССР? Пелевин? Сорокин? Ерофеев? Нет, Проханов и только он.

«Господин Гексоген» – роман, не столько реалистичный, сколько постмодернистский по всем канонам этого направления. Классика постмодернизма. У Проханова цитатны даже названия романов: «Теплоход «Иосиф Бродский», «Человек Звезды», «Надпись».... Уход «красной империи», по словам А. Проханова, настолько радикальная тема в жизни страны, что на это разрушение надо было ответить своим постмодернистским тотальным разрушением нынешнего либерально-коррупционного строя. Поэтому спустя 10 лет писатель переиздает по сути, новый роман «Последний солдат империи», постмодернистский римейк на свой же собственный роман десятилетней давности. Постмодернизм, как оружие в руках русского пролетариата.

Нынче критик Григорий Нехорошев вспоминает: «Лет десять назад на одной литературной вечеринке я познакомил заместителя главного редактора газеты «Завтра» Владимира Бондаренко с писателем Игорем Яркевичем... К величайшему нашему удивлению Бондаренко тут же предложил Яркевичу публиковаться в «Завтра». «А как вы это себе представляете? – ошеломленно спросил Яркевич, – Я же, с позволения сказать, постмодернист, ругательное для вас слово». «Да вы совсем нас не понимаете, – парировал Бондаренко, – «Завтра» – это тоже чистейший постмодернизм». С этими словами он вытащил из портфеля свежий номер газеты, показал передовицу главного редактора и прочел с расстановкой заголовок: «Ельцина положат в муравейник». «Ну, разве же это не постмодернизм, да чистейшей воды», – с удовлетворением от производимого эффекта добавил Бондаренко. «Я в таком ключе о вас никогда не думал» – пролепетал Яркевич...»

Кто читает так называемых постмодернистов Михаила Шишкина, Александра Илличевского, Слаповского или Зайончковского или того же Яркевича? Никто, кроме их друзей и родственников, (увы, и преподавателей вузов, которым этих либеральных постмодернистов просто навязывают силой наши власти). У Проханова или Полякова, Козлова или Кузнецова читателей в десятки раз больше. Ибо, кроме постмодернистского инструментария у них есть еще русская национальная энергетика.

О своем постмодернизме не один раз заявлял и сам Александр Проханов. «Я, кстати, весьма высоко оцениваю постмодернизм. У постмодернизма была своя миссия. Он не дал исчезнуть предшествующей культуре. В частности, советская культура перенеслась к нам только благодаря постмодернизму.... И нынешний неосталинизм – это результат постмодернистской работы. Постмодернизм возникает на обломках того, что строилось веками и вдруг обрушилось. Постмодернизм есть исчезновение осей, эстетических, этических, каких угодно. Рухнул Кельнский собор, и постмодернизм выхватывает из груды кирпичей кусочек витража, фрагмент алтаря, какую-нибудь химеру с кровли. И втаскивает в свою копилку. Ведь творчество остановить нельзя. А материалов для творчества нет. И новое творчество пользуется этим распадом...»

Из постмодерна мы рано или поздно выйдем, как старые революционеры, ставшие строителями и охранителями, потеряв надежду на старые истины, но обретя в конце концов, новые. И мы уже на новом уровне обретем свою Истину. В эпоху постмодерна все бывшие константы теряют свое значение, и религии, и идеологии. Но, если мы сейчас живем во мраке тотального разрушения России, то самое важное – разрушить эти константы разрушения, используя тот же постмодернизм. Не случайно же, движущей силой патриотической литературы нынче являются не традиционалистские направления, и на смену Василию Белову и

Николаю Рубцову пришли во имя той же России Александр Проханов и Юрий Кузнецов и их более молодые соратники. Почему увлечены приемами постмодернизма все наиболее яркие русские писатели: от Павла Крусанова до Владимира Личутина, от Михаила Елизарова до Захара Прилепина, от Веры Галактионовой до Марины Струковой? Потому что используют его для создания нового Дивного мира. Хватит оплакивать погибшее, надо собирать его обломки и осколки. Постмодернизм – это мир осколков. Ну что ж, будем через осколки всматриваться в великое прошлое, постигая великое будущее. Лозунг остается прежним : вперед Россия. Пусть и сквозь постмодернизм, но вперед!

Всё-таки всегда именно русские национальные силы определяли развитие русской культуры во всех направлениях. И в футуризме не Бурлюк с Бенедиктом Лившицем, а Маяковский с Хлебниковым определяли развитие. И в символизме, акмеизме первыми были Блок и Брюсов, Белый и Гумилев. Василий Кандинский и Павел Филонов определили на век вперед развитие мирового авангарда. Не случайно и Пастернак с Мандельштамом прорывались в русскую национальную культуру «сквозь еврейский хаос», не случайно Иосиф Бродский не ходил в синагоги и отказывался от поездок в Израиль. Дело не в еврействе, они понимали, что в мировую литературу они могут пройти только через русскую. Уничтожив в себе местечковость. То же самое пробует сегодня сделать Дмитрий Быков, объявляя существование Израиля «исторической ошибкой», отказываясь от пути Шолом Алейхема и его местечковости.

Русский постмодернизм для своей всемирности должен стать национальным русским постмодернизмом. Конечно, постмодернизм – признак упадка эпохи, но не постмодернисты создали этот упадок, они лишь собирают и реставрируют обломки великого прошлого. благодаря ему, мы и прорвемся к новой Истине.

Постмодернизм характеризуется тем, что даже религии теряют своё значение, человек понимает, что эти ориентиры – в настоящее время зыбкие. Он сам ищет для своей религии новую опору. Начинаются духовные поиски, смешение и переосмысление разных смыслов. Современные западные общества сплачивают общую историю, свою национальную культуру. Постмодернизм Запада держится на национальных великих ценностях. Что же у нас нет наших великих ценностей? Постмодерн, когда все старые смыслы утеряны, а новые ещё не обретены, должен стать временной опорой в своей цитатности и историчности, сосредоточивая всех нас на великих русских шедеврах прошлого. Надо не преодолевать постмодернизм, а сосредоточивать его на коллекционировании осколков великой русской культуры. Мы и на самом деле, жрецы нашего русского постмодерна!

Тусовочная поэзия

Посмотрим на утвердившийся в головах нынешних читателей список ведущих поэтов России.... Посмотрим на массовый опрос, проведенный среди читателей. Здесь и Глеб Горбовский и Виктор Соснора, и Наум Коржавин и Вячеслав Куприянов, и Алина Витухновская и Марина Струкова. Разве что по незнанию вылетел Владимир Костров, не нашел в списке ни крайне правого Алексея Широпаева, ни интересного израильского поэта Михаила Сипера.... Но это вполне объяснимые огрехи, любой из нас кого-то забудет, кого-то не считает нужным вставить, а кого-то просто и не знает....

Из объективных минусов вижу лишь почти полное отсутствие на литературном пространстве талантливых поэтов русской глубинки. Ни самарских поэтов Евгения Семичева и Дианы Кан, ни мурманчанина Николая Колычева, ни петрозаводчанина Владимира Судакова, ни пермяка Игоря Тюленева, почти никого

из поэтических лидеров русской глубинки. И здесь уже заметно не какое-то выделение авангардистов или традиционалистов, либералов и патриотов, а просто незнание глубинной поэтической России. Отсечение провинциальной России.

В отличие от бывшего противостояния правых и левых, новаторов и консерваторов, сегодня это уже иное противостояние. Побеждает тусовка. Она побеждает и на присуждении премий «Большая книга» и «Букер». Это же тусовка не допустила в лауреаты «Большой книги» отца Тихона с нашумевшей книгой «Несвятые святые», тираж которой уже перевалил миллион экземпляров. А ведь нет в книге никаких ортодоксальных проповедей, скорее либеральная ветвь нашего православия. Но – «не наш». Кто мне объяснит, почему из наших старейших поэтов Виктор Соснора и Александр Кушнер лидируют в опросе.... А Глеб Горбовский где-то в шестом десятке? Прочел бы этот опрос мой давний знакомый Иосиф Бродский, выкинул бы его в мусорную корзину. Он не раз писал, что рядом с поэзией Глеба Горбовского и близко не стоят ни Евтушенко, ни Вознесенский. А тем более ни Соснора с Кушнером. Увы. Но Горбовский – не в тусовке. Не в тусовке ни Станислав Куняев, ни Наум Коржавин. Конечно, сказывается и явная либеральная направленность нашей тусовки. Захар Прилепин правильно писал, что, не смотря на все слова и речи Путина, управляет нашей культурой исключительно либеральная тусовка. А под неё надо и подстраиваться всем остальным. Но и в либеральной культуре, для того, чтобы быть в тусовке, надо умело потрудиться.

Конечно, в десятку попали яркие и талантливые поэты, Алексей Цветков, Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Ольга Седакова, Олег Чухонцев, тот же Соснора и другие. Я сам немало писал статей об этих поэтах. Но я примерно тот же список имен вижу уже с десятков лет на всех наших поэтических фестивалях и читаю на всех опросах. Добавим к ним из второго десятка Тимура Кибирова. Ивана Жданова, Светлану Кекову, и мы увидим вполне достойную, но слегка

намозолившую глаза обойму одних и тех же поэтов. И главное, среди них нет ни одного яркого, выламывающегося из списка, бунтарского поэта, поразившего мир или своими образами, или своей формой, или своим видением мира, или даже своими идейными или политическими крайностями любого толка. Нет среди них никого, подобных нобелевскому бунтарю Гюнтера Грасса, ни еще одному нобелевскому лауреату ирландцу Шеймусу Хини, поражающих весь мир своими поэтическими или политическими действиями. Нет ни Иосифа Бродского, ни Юрия Кузнецова, отвергающих общепринятые поэтические смыслы.

Так, одной дружной компанией эти лидеры нынешнего опроса и ездят из Лондона в Нью-Йорк, из Сиднея в Мюнхен, обсуждают одни и те же темы, пишут стихи примерно об одном и том же. Даже выпить, побуяннить как следует не умеют, непозволительно. Не толерантно. Вот эта толерантность их поэзии меня и раздражает.

Недаром бузотеры и скандалисты непримиримая антиамериканка Юнна Мориц, иронический террорист Всеволод Емелин, в число первых лидеров не попали. Не так себя ведут, не о том, порой, пишут. А уж близкие к патриотическому направлению, хоть солженицынского разлива, как Юрий Кублановский, хоть евразийского, как Тимур Зульфикаров, не случайно стоят где-то в пятой десятке. Не там тусуетесь, господа!

Вот вам ярчайшие поэты самых разных направлений, упорно выпадающие из тусовочной поэзии: Геннадий Русаков и Эдуард Лимонов, Юрий Беликов и Максим Амелин, Виталий Пуханов и Олеся Николаева, они и находятся в самом конце списка. Даже такие скандалисты, и явно талантливые поэты, как Алина Витухновская и Марина Струкова, Андрей Родионов и Шиш Брянский тоже никому не нужны. Не в тусовке! Вне тусовки и такие старейшины, как Станислав Коняев и Наум Коржавин, вне тусовки Мария Авакумова и Константин Кедров.

Специально называю фамилии известных поэтов разных направлений и разного возраста. Ибо это не деление на отцов и детей, не деление поэтов на левых и правых. Это и есть та же самая коррупция, только в литературе, коррупционная поэзия так называемого креативного класса тусовочных людей. Насколько я понимаю, надо немало сил потратить, для того, чтобы попасть в тусовку, еще больше сил и энергии, чтобы не выпасть из неё. Вряд ли эта тусовочная поэзия войдет в мировую литературу. Вряд ли эти ребята, при всех своих энергиях и при постоянных поездках по миру, войдут в мировую литературную элиту. Они всё более даже своим стихами становятся похожи друг на друга. А жаль, ведь был же дан им талант.

Променили на постоянную тусовку. Думаю, настоящая поэзия в это время пишется где-нибудь в глубинке.

